

В. О. Зверев

Нереализованные инициативы по борьбе с военным шпионажем в Российской империи (1909–1914 гг.)

В период между Русско-японской и Первой мировой войнами Россия, возрождавшая свой status quo в мире, превратилась в арену для шпионажа. Только в Варшавском генерал-губернаторстве было задержано и обвинено в причастности к этому военному преступлению более 100 германских и австрийских агентов¹.

В ответ на активизацию иностранных разведок, угрожавших девальвацией царским вооруженным силам и индустриально-промышленному комплексу, Совет министров принял семь правовых актов по линии «контршпионажа» (1910–1914 гг.)². А с 1909 по 1912 г. Государственная Дума и Государственный Совет рассмотрели и одобрили еще четыре проекта по борьбе со шпионажем, получившие силу закона³.

Однако помимо предложений центральных и региональных органов власти, по которым Правительство и Парламент приняли положительные решения, были и так называемые нереализованные инициативы (точнее, «не имевшие будущего» министерские представления и законопроекты). Документы, которые нам удалось обнаружить в ходе поисковой работы, были разделены на несколько видов. Остановимся на их характеристике.

1. Проект, направленный министерством внутренних дел в Совет министров и не рассмотренный в нем. 13 марта

Зверев
Вадим Олегович,
кандидат
исторических наук,
доцент, Омская
академия МВД
России (Омск, Россия)

1909 г. товарищ министра внутренних дел П. Г. Курлов направил Н. В. Плеве письмо с просьбой внести на рассмотрение Правительства представление № 28 719 от 11 марта 1909 г. «О принятии на случай открытия военных действий исключительных мер надзора по отношению к иностранцам, проживающим в пограничных местностях»⁴.

Авторы данного документа — сотрудники 2-го делопроизводства («законодательного») Департамента полиции МВД — обозначили в его тексте существенную проблему. Кратко ее можно сформулировать так: скрытая угроза обороноспособности России в ее западных и юго-западных губерниях, исходившая от немецких и австрийских колонистов.

Первым признаком назревшей опасности — и на это обстоятельство ранее указывала разведка Петербургского военного округа (применительно к Прибалтийскому краю)⁵ — было значительное скопление резервистов германской и австрийской армии. Со ссылкой на данные, полученные от командующего войсками Киевского военного округа, в представлении отмечалось, что в Волынской, Подольской и Киевской губерниях проживает «несколько сот австрийских и германских подданных воинского звания — отпускных и запасных офицеров и нижних чинов»⁶. Причем эта категория переселенцев периодически вновь возвращается в Германию и Австро-Венгрию для участия в «учебных сборах», а молодежь уезжает туда для «отбытия воинской повинности»⁷.

От себя добавим, что столь дисциплинированное отношение к службе у немцев регламентировалось германским Основным законом. «Каждый германец, способный носить оружие, — гласила ст. 59 Конституции Германской империи от 16 апреля 1871 г. — по общему правилу в течение семи лет от исполнившихся двадцати до начала двадцать восьмого года принадлежит к действующей армии»⁸.

Необходимо отметить, что факты регулярных отъездов многих немецких мужчин на военные сборы или для прохождения службы в Германию, несомненно, указывали на их нелояльность к новой родине (к России). С одной стороны, они вступали в ряды иностранных вооруженных сил, причем в ряды той из армии, которая была потенциально враждебной России; с другой — убытие части немцев русского подданства (достигших призывного возраста) за рубеж и их неявка к месту сбора (воинского учета) призывников ставили на грань срыва призывную кампанию в русскую армию.

Вторым признаком опасности, исходившей от иностранных колонистов, являлось подозрение в их принадлежности к национальным военным разведкам. Не предъявив прямых улик, проливающих свет на преступный характер действий или намерений целых народов (российских немцев и австрийцев) и не остановившись на персональных примерах шпионажа, авторы представления (в том числе и П. Г. Курлов, чья подпись стояла под ним) изложили лишь свои предположения. Кратко передадим их суть. Будущая мобилизация в Германии и Австро-Венгрии (на случай войны с Россией) обязывала всех российских немцев/австрийцев призывного возраста (особенно австрийцев австрийского подданства) «запастись различными сведениями относительно русской армии и положения в крае»⁹. Вернувшись на этническую родину в преддверии европейской войны, колонисты

должны стать «хорошо осведомленными лицами», изучившими российскую пограничную полосу¹⁰.

Как выяснилось, подобные выводы были небезосновательными. По сообщениям агентуры начальника Петроковского губернского жандармского управления, Генрих Гвидович Цешко (австрийский подданный, житель привислинского пограничного городка Сосновицы), «при получаемом небольшом жаловании на заводе», сумел съездить в Австрию в 1911 г. одиннадцать раз, а в январе–феврале 1912 г. — четыре раза¹¹. Имея контакты с австрийской стороной, Г. Цешко отправлял в Австро-Венгрию письма, в которых «описывал военно-политические настроения в России»¹².

П. Г. Курлов, в своем представлении Совету министров предложил взять под надзор военнообязанных колонистов для своевременного извещения штаба Киевского военного округа о признаках их «оживления перед началом враждебных действий против России и призыва на военную службу»¹³. При объявлении мобилизации следовало всех «иностранцев воинского звания» (подданных государств, объявивших войну России) из числа проживающих в Волынской и Подольской губерниях немедленно арестовывать и отправлять в пределы Киевской губернии¹⁴.

Данное представление, как мы полагаем, так и не попало в Совет министров, а те официальные лица, которые, возможно, с ним ознакомились в частном порядке, не придали прочтенному сколько-нибудь серьезного значения. Подобная реакция была ожидаемой. Для того чтобы надеяться на солидарность с отмеченными в документе масштабными и радикальными упредительными мероприятиями антигерманского и антиавстрийского толка, нужны были веские основания причастности иностранных граждан (лиц «военного звания») к шпионажу в пользу своих стран. А в представлении МВД соответствующих указаний не было.

Мы отыскивали документ, подтверждающий состоятельность высказанного предположения о неразрешенности рассмотренного выше представления властью Совета министров. Этим документом стал циркуляр 7-го делопроизводства Департамента полиции МВД административно-полицейским властям страны № 85130 от 30 ноября 1912 г. Его содержание свидетельствует о том, что МВД предприняло очередную попытку организации мер реагирования против политически ненадежных иностранцев.

Актуальность контрразведывательной реакции не вызывала сомнений. В России имеются «лица, которые, безусловно, поддерживают преступные сношения с иностранными правительствами, — отмечал вице-директор департамента С. Е. Виссарионов, — но вместе с тем не изобличаются в них настолько, чтобы можно было подвергнуть их ныне же ответственности в судебном или административном порядке»¹⁵. Говоря о существенном вреде, который могли нанести эти «лица» в случае объявления подготовительных мероприятий русских войск, чиновник признавал необходимым перед объявлением мобилизации арестовывать и высылать упомянутую категорию в Вологодскую и Архангельскую области под гласный надзор полиции¹⁶.

Таким образом, практика многочисленного сосредоточения иностранцев мужского пола (годных к военной службе и присягнувших на верность другому отечеству) в пограничной полосе Европейской России беспокоила не только

военную разведку, но и МВД. Однако за десять предвоенных лет центральная и высшая исполнительная власть так и не сумела выработать юридический механизм оптимальной минимизации пограничной угрозы.

2. *Проект Министерства юстиции, одобренный Советом министров, но не отправленный в Государственную Думу.* Обратимся к законопроекту «О допущении к судебной защите по уголовным делам исключительно российских поданных, а по делам о государственной измене путем шпионства лишь присяжных поверенных и о применении постановлений Уголовного уложения к лицам, учинившим государственную измену путем шпионства вне пределов России» (далее — законопроект о судебной защите).

В конце декабря 1913 г. в условиях продолжающейся законодательной реформы (в области совершенствования правовых норм о государственной измене путем шпионажа) министр юстиции И. Г. Щегловитов, как автор законопроекта о судебной защите (и объяснительной записки к нему), обнажил те проблемы, которые недопустимо было оставлять без внимания. Так, постановления о судебном представительстве по уголовным делам (ст. 44 и 565 Устава уголовного судопроизводства) не запрещали выступать в качестве защитников по уголовным делам иностранным подданным¹⁷. А отдельные положения действующих законов давали возможность вести уголовные дела в судах частным адвокатам, а также помощникам присяжных поверенных и кандидатам на судебные должности¹⁸.

Однако главная сложность виделась не столько в этом, сколько в том, что при рассмотрении дел о шпионаже оглашались различного рода секретные сведения и документы, нередко выяснялись способы их хранения и методы борьбы со шпионажем. Именно для того, чтобы всю эту информацию сохранить от разглашения, И. Г. Щегловитов предлагал сузить круг судебных представителей по уголовным делам.

В объяснительной записке он выступал против допуска к защите по делам о государственной измене путем шпионажа представителей частной адвокатуры, не могущих «быть признанными теми лицами, которым вполне безопасно могли бы быть доверены содержащиеся в сих делах военные тайны»¹⁹. Аналогичное недоверие было и к помощникам присяжных поверенных. Министр называл их «людьми молодыми, с неустановившимися еще взглядами и убеждениями, не способными гарантировать сохранение тайны сведений и документов по указанным делам»²⁰.

Резюмируя высказанные соображения о пробелах в уголовном законодательстве и судопроизводстве, И. Г. Щегловитов подвел знаменатель: частными поверенными по уголовным делам должны быть только российские подданные и к защите по уголовным делам о шпионаже могут допускаться исключительно присяжные поверенные.

29 мая 1914 г. министр юстиции обратился к премьер-министру И. Л. Горемыкину с просьбой о рассмотрении в заседании Правительства вопроса «Об ограничении прав иностранцев по ведению судебных дел и об изменении некоторых правил о порядке производства дел о государственной измене путем шпионства»²¹. 16 июня, одобрив указанный законопроект, Совет министров «не встретил препятствий по настоящему делу к отправлению его на законодательное рассмотрение»²².

Однако данному законопроекту не суждено было дойти до представительных учреждений России и позже получить силу закона. Препятствием тому стало объявление полной мобилизации Николаем II, начало войны с Германией и ее союзниками, политический кризис, переход страны и ее Парламента на «рельсы военного времени».

Законопроект о судебной защите не стал логическим завершением реформы уголовного законодательства и судопроизводства. Вплоть до начала Мировой войны устаревшие нормы закона, да и судьи в ходе слушаний по делам о шпионаже, не могли запретить иностранцам представлять интересы своих клиентов (как правило, ими были обвиняемые/подсудимые из числа соотечественников). Прикосновенность нероссийских юристов, как, собственно, и тех русскоподданных, кого законопроект о судебной защите хотел отстранить от «шпионских дел», к военной тайне (предъявленные суду вещественные доказательства военно-секретного содержания), скорее всего, приносила неочевидный вред интересам России.

3. Законопроекты по борьбе со шпионажем, обсуждавшиеся в Государственной Думе, но не возымевшие юридической силы. Начнем с рассмотрения законопроекта «Об изменении временных правил водворения в Волынской губернии лиц нерусского происхождения и о распространении действия сих правил на губернии Киевскую и Подольскую» (далее — законопроект о Волынской губернии). Особо коснемся характеристики тех из выявленных проблем, которые, по мнению составителей из МВД, в случае благоприятной конъюнктуры могли трансформироваться в реальные угрозы. Но сначала внесем важное уточнение.

В начале 1911 г. в законодательный отдел Государственной Думы поступил законопроект о Волынской губернии и сопроводительная к нему бумага. Она называлась справкой «С дополнительными сведениями по законопроекту МВД об изменении временных правил водворения в Волынской губернии лиц нерусского происхождения и распространении сих правил на губернии Киевскую и Подольскую» (далее — Справка)²³.

Именно этот документ помог нам посмотреть на миграционные потоки, устремившиеся из соседней Германии и Австро-Венгрии в губернии юго-западного пограничья Российской империи, сквозь призму ее национальных интересов глазами полицейских чиновников.

Итак, настороженность ответственных лиц из министерства внутренних дел была вызвана очевидными проблемами. К первой из них относилось немалое число резервистов, расселившихся главным образом в Волынской губернии (напомним, об этой ситуации почти два года до этого уже заявлял генерал П. Г. Курлов). На 1909 г., как сказано в Справке, там проживало 380 чинов запаса австрийской и германской армий (из них 256 чел. — в ближайших к западной границе уездах)²⁴. Причем составители Справки констатировали: «запасные солдаты иностранных войск» предпочитали устраиваться на жительство близ государственной границы²⁵.

Установленный факт множественного проживания в полосе отчуждения военнообязанного армейского резерва вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии и его политическая неблагонадежность не могли не посеять в руководстве Департамента полиции МВД соответствующее недоверие. Однако подобные настроения, как мы заметили, не мешали крупным полицейским чинам воспринимать

иностранцев этой категории объективно. «Все эти живущие у приграничной полосы запасные солдаты австрийской и германской армии, — отмечалось в Справке, — в настоящее время не выражают ничем своего участия в военном шпионстве... в Волынской губернии»²⁶.

И в то же время речь не шла о недооценке неминуемой угрозы, исходившей от иностранных резервистов. Мало кто сомневался в том, что в случае войны с западными державами такие резервисты окажут тактическое содействие передовым отрядам неприятеля: «Начальники иностранных армий, вступивших в пределы России, несомненно, воспользуются ценными услугами соотечественников, обязанных военной присягой»²⁷.

Остается только догадываться, какая помощь и в каких масштабах могла быть оказана противнику, если большая часть Волынской губернии, имевшая выгодную оперативно-тактическую конфигурацию (с точки зрения военного планирования армии вторжения) была представлена выходцами из Германии. По данным на февраль 1911 г., из 12 уездов Волыни, западная часть которой граничила с «мятежным» Царством Польским и австро-венгерской Галицией, восемь уездов (или 613 деревень) были полностью заселены немцами²⁸. В образовавшемся «демилитаризованном пространстве» войска могли встретить прогермански настроенных соотечественников и получить от них всемерную помощь (постой, продовольствие, фураж, лошадей, рабочую силу, новобранцев, военно значимую информацию).

В МВД были озадачены и второй проблемой, приобретающей угрожающий характер. В Справке отмечалось, что среди молодежи немецких поселков, призываемой в России к исполнению воинской повинности, наблюдалось постоянное стремление избежать призыва на военную службу. Согласно статистике МВД, только в Волынской губернии за 1906–1909 гг. число «уклонистов» среди немецкой молодежи достигло 1449 чел. («без уважительной причины») ²⁹. А по данным на 1909 г. по той же губернии, на сборные пункты не прибыло 426 чел.³⁰

Эти сведения нашли дополнительное подтверждение. 22 апреля 1909 г. на закрытом заседании Госдумы № 99 депутат от Херсонской губернии Л. Л. Люц, будучи немцем по происхождению, подчеркнул: «Среди немцев также встречается преступное уклонение от воинской повинности»³¹.

Наконец, была и третья, более существенная проблема — скупка зажиточными колонистам больших земельных участков в Бессарабии и источники кредитования этих приобретений. Из «Сведений о крепостных актах...» и совершенно секретного письма председателя Совета министров В. Н. Коковцова министру внутренних дел А. А. Макарову № 4272 от 13 июля 1912 г. следует, что за время с 1 января 1909 г. по 1 мая 1912 г. немцы приобрели в Аккерманском, Бендерском, Измаильском и Кишиневском уездах, городах Аккерман, Бендеры и Кишинев почти 32 тыс. десятин земли (стоимость покупки более 7 млн 200 тыс. руб.)³².

Где переселенцы взяли такую громадную сумму денег? Как видно из того же письма, со ссылкой на безымянного председателя кишиневского суда (его фамилия в документе не приведена), средствами на означенные покупки «ссужают немцев Берлинские банки за 2 %»³³. Причем пользовались финансовой поддержкой только те немцы, которые имели законные основания для покупки земли в собственность (это право распространялось лишь на тех иностранцев,

которые приняли русское подданство). А приобретатели земельных площадей, в свою очередь, затем сдавали их в аренду своим же соотечественникам, прибывающим из-за границы³⁴.

Налицо не только фактическое (юридическое) отторжение целых уездов в пользу подданных потенциального врага России (как известно, в 1909 г. данный статус Германии был сформулирован в русской военной доктрине), но и дальнейшее расширение прав иностранцев на землю в приграничной полосе. Согласно «Всеподданнейшему отчету Киевского, Подольского и Волынского губернатора за 1909–1910 гг.», 399 953 десятины приходилось на одну только Волынскую губернию и принадлежало 87 731 колонисту³⁵. По другим данным, к лету 1912 г. в губерниях Юго-западного края площадь немецкого землевладения достигла уже 685 258 десятин³⁶.

«Увеличение числа иностранных поселений, притом расположенных в районах стратегических путей, — резюмировали составители представления “О мерах к ограждению русского землевладения в губерниях Юго-Западного края и Бессарабской”, — могло представить серьезную опасность в случае политических осложнений»³⁷.

Только 21 января 1913 г. заседание общего собрания Государственной Думы IV созыва № 15 постановило передать законопроект «О мерах к ограждению русского землевладения в губерниях Юго-Западного края и Бессарабской» (так был назван переработанный проект закона о Волынской губернии) в комиссию по направлению законодательных предположений³⁸.

Ближайшая судьба законопроекта была одновременно предсказуема и загадочна.

С одной стороны, из дальнейшей переписки МВД и Госдумы ясно, что депутаты потребовали для его рассмотрения подготовить дополнительные сведения. Им предстояло детализировать количество земель, фактически принадлежавших иностранным подданным, изучить карты иностранной колонизации Волынской губернии. Но ввиду отсутствия в МВД соответствующих данных и невозможности собрать их за короткий срок они так и не были направлены в нижнюю палату вплоть до начала Первой мировой войны.

С другой стороны, некоторые дальновидные сановники осторожно предрекали возможность возникновения трудностей у обсуждаемого законопроекта в Парламенте. «Рассмотрение этого вопроса в законодательных установлениях, — писал главноуправляющий землеустройством и земледелием А. Риттих, — может встретить, по различным политическим мотивам, известную оппозицию»³⁹.

Какой смысл скрывался за этим намеком — депутатское вето, политическая конъюнктура, «немецкое лобби в Государственном Совете»⁴⁰ либо что-то другое, — установить сложно. Но ясно одно: 1 сентября 1915 г. министр внутренних дел отозвал свое представление о мерах к ограждению русского землевладения в губерниях Юго-Западного края и Бессарабской из Госдумы⁴¹. А за год до этого Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор Ф. Ф. Трепов, по сути, вынес переселенцам обвинительный приговор: «Я пришел к выводу о необходимости, пользуясь военным положением, выселить всех немецких колонистов из пределов Юго-Западного края»⁴².

Таким образом, в течение трех с половиной лет депутаты так и не сумели убедиться в обоснованности опасений исполнительной власти о насыщении пограничных районов «враждебным элементом» и решить заявленную проблему своевременно и юридически верно. Следствием политической нерасторопности стали спешные, крайние и непопулярные контрмеры (выселение из прифронтовой полосы подданных воюющих с Россией держав), но уже продиктованные и обоснованные законами военного времени.

Перейдем к обсуждению следующего по счету законопроекта «О подчинении общим законам Империи дел о совершаемых в Великом Княжестве Финляндском государственных преступлениях и преступлениях, вызываемых политическими побуждениями» (далее — законопроект о ВКФ).

24 апреля 1913 г. 1-й департамент Министерства юстиции, являясь разработчиком законопроекта о ВКФ, отправил его в законодательный отдел Госдумы IV созыва. Депутаты получили ряд предложений, связанных с расширением общеимперской юрисдикции (в части борьбы со шпионажем). Речь шла о распространении действия прежде всего ст. 108–113, 116–119 гл. 4 Уголовного уложения 1909 г. (в ред. Закона от 5 июля 1912 г.) и ст. 425 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (в ред. Закона от 5 июля 1912 г.) на территорию северо-западной окраины России⁴³.

Авторы настаивали на передаче всех дел о шпионаже в подведомственность Санкт-Петербургского окружного суда, или Санкт-Петербургской судебной палаты, или Правительствующего Сената⁴⁴. Наконец, производство дознаний по делам о шпионских преступлениях должно, по их мнению, возлагаться на чинов местной полиции и/или чинов имперской полиции и иных должностных лиц, командированных в Финляндию министром внутренних дел. Производство же предварительного следствия по делам о шпионаже могло производиться только судебными следователями столичного окружного суда или Санкт-Петербургской судебной палаты⁴⁵.

Необходимость подчинения местных (финляндских) законов общеимперскому законодательству и внесения соответствующих корректив уже назрела и диктовалась реалиями времени. А они были таковы. Принятый 5 июля 1912 г. обновленный закон о шпионаже не распространял свое действие на ВКФ. Поэтому разбирательства по фактам государственных преступлений там были подчинены финляндскому Уголовному кодексу, нормы которого по своей строгости порой являлись несоразмерно мягкими по сравнению с тяжестью содеянного (путем шпионских преступлений). Розыск по государственным преступлениям практически не осуществляется ввиду отсутствия органов политического сыска. Наконец, местные судебные инстанции отличались предвзятым подходом при рассмотрении резонансных уголовных дел. «Финляндские суды, — как было отмечено в объяснительной записке министра юстиции к законопроекту о ВКФ, — не могут считаться стоящими на страже беспристрастного закона»⁴⁶.

Законодательный пробел (в части борьбы с государственной изменой путем шпионажа), создававший в ВКФ беспрецедентные условия для деятельности иностранных разведок, необходимо было срочно устранять. На заседании № 37 от 24 апреля 1913 г. общее собрание депутатов постановило передать законопроект в комиссию по судебным реформам⁴⁷.

При рассмотрении проекта закона в комиссии 2 и 7 мая присутствовали И. Г. Щегловитов, его товарищ А. Н. Веревкин, директор 1-го департамента Минюста Д. А. Милютин и старший юрисконсульт С. Н. Трегубов.

15 мая 1913 г. результаты работы комиссии по судебным реформам в виде доклада Э. П. Беннигсена были направлены председателю нижней палаты Парламента, а 22 мая — на рассмотрение ее общего собрания⁴⁸. Дальнейшую судьбу законопроекта о ВКФ установить не представилось возможным.

По имеющимся в нашем распоряжении косвенным свидетельствам становится ясно, что спустя шесть месяцев после того, как комиссионный вариант законопроекта был направлен депутатам, он так и не получил силу закона. Судя по посланию П. И. Иванова⁴⁹ на имя И. Г. Щегловитова от 23 ноября 1913 г., «судебная картина» в ВКФ оставалась прежней. Финляндское правосудие выносило нередко необоснованные оправдательные приговоры государственным преступникам. Например, против редакторов газет «*Suur Savo*» и «*Karjala*» было возбуждено судебное преследование за помещение в данных изданиях секретного циркуляра Выборгского губернатора. Но так как циркуляр был назван секретным Выборгским губернатором, а не финляндским Сенатом, то Выборгский Ратгаузский суд не признал его секретным, а обвиняемые были освобождены от ответственности⁵⁰.

Вероятнее всего, законопроект о ВКФ не получил высочайшего утверждения и впоследствии. Даже если допустить возможность его одобрения в Государственной Думе, то пришлось бы какое-то время ожидать положительного решения (по нашим наблюдениям, продолжительность законодательного пути ранее принятых законов о шпионаже занимала от 3 до 8 месяцев). К этому сроку можно прибавить месяц-другой на обработку законопроекта членами Госсовета. И в случае единодушия обеих палат Парламента наступала последняя стадия — подписание Николаем II. Между тем этого временного запаса у власти, да и у всей нации, уже не было. Россия находилась на пороге Первой мировой войны.

Итак, царское правительство так и не включило Финляндию в единое общеимперское юридическое пространство, ввиду чего столичные правоохранительные органы были лишены правовых оснований для борьбы с преступлениями против государства на финляндской стороне. С точки зрения обеспечения основ военной безопасности России ее северо-западная окраина превратилась в «территорию беззакония». В отечественной практике был создан прецедент.

¹ Зверев В. О. Иностраннный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906–1914 гг.): монография. М., 2016. Приложение 1.

² Перечни сведений по военной и военно-морской частям, оглашение которых в печати воспрещалось (1912, 1913 и 1914 гг.); «Правила о приобретении иностранными подданными в собственность или в срочное владение и пользование недвижимых имуществ в Ревеле и его окрестностях»; «Временные правила об ограничении некоторых прав иностранных подданных и частных лиц, касающиеся острова Нарген, впредь до отчуждения его в казну»; «Правила перехода иностранными военными служащими западной границы России» (1912 г.); распоряжение «О воспрещении иностранным воздухоплавателям перелета западной границы России» (1913 г.).

³ Законы «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, не со-

стоящих в русском подданстве»; «О присвоении Приамурскому генерал-губернатору постоянных полномочий по изданию обязательных постановлений, ограждающих вверенный ему край от иноземного шпионства (1909–1910 гг.)»; «Об отпуске Военному министерству средств на “секретные расходы” в сумме 1 443 720 руб.»; «О шпионаже» (от 5 июля 1912 г.).

⁴ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1276. Оп. 5 (1909). Д. 504. Л. 1.

⁵ Обзорение Петербургского военного округа. Ч. 1, Отд. 2. Военно-Статистический очерк. Население / сост. Генерального штаба подполковник Баженов. Редактировано в УОГЕНКВАР штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1904. С. 14.

⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 5 (1909). Д. 504. Л. 2.

⁷ Там же.

⁸ Конституция Германской империи и главнейшие из относящихся до общегосударственного законодательства статей конституционных актов других иностранных государств. СПб., 1910. С. 29.

⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 5 (1909). Д. 504. Л. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 215. Оп. 1. Д. 485. Л. 11, 15.

¹² Там же. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 47. Л. 19.

¹⁶ Там же.

¹⁷ РГИА. Ф. 1162. Оп. 5. Д. 307. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 5–6.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ Там же. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 12.

²² Там же. Л. 24.

²³ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1619. Л. 1, 2.

²⁴ Там же. Л. 3.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 3–4.

²⁸ Там же. Л. 10.

²⁹ Посчитано автором: Там же. Л. 13–16.

³⁰ Там же. Л. 5.

³¹ Там же. Оп. 4. Д. 197. Л. 92.

³² Там же. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 21. Л. 17–18, 85.

³³ Там же. Л. 85.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 106.

³⁶ Там же. Л. 88.

³⁷ Там же. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 422. Л. 4.

³⁸ Там же. Л. 18–19.

³⁹ Там же. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 21. Л. 88.

⁴⁰ Существующую в России «могущественную германофильскую партию» следует искать в среде членов «ультраконсервативной партии Государственного совета». См. об этом: *Извольский А. П.* Воспоминания. М., 1989. С. 181.

⁴¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 422. Л. 28.

⁴² Там же. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 21. Л. 127.

⁴³ Там же. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 833. Л. 3.

⁴⁴ Там же. Л. 4.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 10.

⁴⁷ Там же. Л. 26–27.

⁴⁸ Там же. Оп. 5. Д. 540. Л. 104.

⁴⁹ Должность чиновника не установлена.

⁵⁰ Там же. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 64. Л. 16–17.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Зверев В. О. Нереализованные инициативы по борьбе с военным шпионажем в Российской империи (1909–1914 гг.) // Новейшая история России. 2017. № 2 (19). С. 7–18.

УДК 94(47).083

Аннотация: Появление в законотворческой практике российского государства феномена нереализованных инициатив (законопроектов) стало признаком и следствием главным образом политической близорукости высшей исполнительной и законодательной власти. Совет министров не сумел вовремя распознать и актуализировать очередные военно-шпионские угрозы (находившиеся уже в процессе своей эволюции). Проблемы чрезмерной концентрации иностранных колонистов («военного звания») в пограничных районах России и несовершенства отечественного судопроизводства по делам о шпионаже были признаны не заслуживающими внимания и не нуждающимися в немедленной юридической оценке. Государственная Дума и Государственный Совет, ввиду отсутствия парламентского опыта и несформированности специальных (срочных) процедур прохождения спешных законопроектов, не успели принять превентивные и исчерпывающие меры законодательного реагирования на проявления иностранного шпионажа. Между тем формировавшаяся в России система военной безопасности нуждалась в дополнительных региональных «контршпионских» законах, способных минимизировать благоприятные условия для легендированной и безопасной деятельности германской и австрийской разведок. Функциональность их агентурных сетей в западном пограничье и Юго-Западном крае (районы Виленского, Варшавского, Киевского и Одесского военных округов), а также успехи осведомления в Финляндии в немалой степени зависели от двух обстоятельств. Во-первых, вдоль европейской линии российской государственной границы проживало множество иностранцев, которые не могли не использоваться для ложного привлечения и рассеивания внимания русских военных и полицейских властей. Кроме того, в Вольнской и некоторых других близлежащих губерниях сосредоточивался резерв немецких и австрийских военнослужащих запаса (присягнувших на верность Германии или Австро-Венгрии и отслуживших в вооруженных силах той либо другой страны), которых планировали привлекать к сбору разведывательной информации о русской обороне с началом мобилизации. Причем единичные случаи сотрудничества иностранных колонистов («воинского звания») фиксировались уже в довоенный период. Во-вторых, Великое княжество Финляндское, будучи «государством в государстве», не признавало общеимперские законы (в части борьбы с политическими преступлениями). В результате уголовно-правовое преследование за шпионаж, осуществлявшееся местными полицейскими и судебными органами и учреждениями, отличалось мягкостью и необъективностью.

Ключевые слова: законопроект, колонисты, частные адвокаты, военные секреты, земельные площади, МВД, министр юстиции, шпионаж, финляндские суды.

Сведения об авторе: Зверев В. О. — кандидат исторических наук, доцент, Омская академия МВД России (Омск, Россия); zverevoma@mail.ru

FOR CITATION

Zverev V. O. Unrealized Initiative on Fighting the Military Espionage in the Russian Empire (1909–1914), *Modern History of Russia*, no. 2, 2017. P. 7–18.

Abstract: The appearance in the Russian legislative practice of the phenomenon of unrealized initiatives (bills)

was a sign and a consequence mainly of political short-sightedness of the supreme executive and legislative power. The Council of Ministers has not managed to recognize and actualize the regular military and spyware threats. Problems of over-concentration of foreign colonists in the border regions of Russia and the imperfection of the domestic proceedings in cases of espionage were considered as not worthy of attention and not in need of immediate legal assessment. The State Duma and the Council of State, due to the lack of parliamentary experience and of special (urgent) passing legislation procedures, has not had time to take preventive and comprehensive legislative response to the foreign espionage. Meanwhile, emerging Russia's national security system was in need of additional regional «counterespionage» laws that could minimize favorable conditions for operations of the German and Austrian intelligence. The functionality of the agents' network in the western borderlands and the South-West region (regions of Vilna, Warsaw, Kiev and Odessa military districts) was dependent to a large extent on two factors. Firstly, the European Russian border line was inhabited by many foreigners used for the false attraction and dispersion of attention of Russian military and police authorities. In addition, there was a concentration in the Volyn and some other nearby provinces of the reserve of German and Austrian reservists (sworn allegiance to Germany or Austria-Hungary and have served in the armed forces of these countries) who were planned to get involved in the collection of intelligence information about the Russian defense with the beginning of the mobilization. Moreover, several cases of cooperation of foreign colonists were recorded in the pre-war period. And, secondly, the Grand Duchy of Finland, as a «state within a state», did not recognize the laws of Russian Empire (in terms of the fight against political crimes). As a result, criminal law prosecution for espionage, carried out by local police and judicial authorities and institutions, wasn't so strict.

Keywords: bill, colonists, private lawyers, military secrets, land areas, the Ministry of Interior, the Minister of Justice, espionage, the Finnish courts.

Authors: Zverev V. O. — Candidate in History, Associate Professor, Omsk MVD Academy (Omsk, Russia); zverevoma@mail.ru

References:

Izvol'skiy A. P. *Vospominaniya* (Moscow, 1989).

Zverev V. O. *Inostrannyi shpionazh i organizatsiya borby s nim v Rossiyskoy imperii (1906–1914 gg.)* (Moscow, 2016).